

Цзян Мэйшэн опешил. Надо же, Цюй Чжи обходится с Хэ Цингуаном настолько бесцеремонно?

Да ладно? Он же здесь главный герой-актив, разве можно так обращаться со своей парой? М-да... Если Цюй Чжи и в обычной жизни ведет себя так грубо, то неудивительно, что Хэ Цингуан в итоге заставит его страдать и телом, и душой.

Цюй Чжи выволок того из толпы и, бесцеремонно толкая в спину, увел в глубокую тень. Цзян Мэйшэн больше не слышал их разговора.

Лицо Цюй Чжи потемнело от злости. Заметив это, Хэ Цингуан попытался улизнуть, но Цюй Чжи мертвой хваткой вцепился ему в воротник.

— Теперь, значит, испугался? — прошипел Цюй Чжи. — А как к Цзян Мэйшэну лезть, так смелости хватило! Кто вообще дал тебе право к нему приближаться?

Хэ Цингуан высвободился и принялся неторопливо оправлять одежду.

— Да что ты заладил? Я пальцем его не тронул. К чему устраивать эту сцену?

— Не тронул? Да я тебя насквозь вижу! — в ярости выдохнул Цюй Чжи, с трудом сдерживая кулаки. — Ты же мимо ни одного смазливового лица пройти не можешь! Не из-за этого ли тебя вышвырнули из-за границы? Переспал с любовником судоходного магната, попал в черный список во всей индустрии и приполз обратно в страну!

Хэ Цингуан поморщился, явно задетый за живое.

— Обязательно так выражаться? Мы взрослые люди. Поразвлекались по обоюдному согласию — и за это я должен выслушивать твои нотации? Твою мать, Чжи, ты четыре года жил как монах, у тебя уже крыша поехала! Тебя просто жаба душит, когда другие развлекаются!

— Да трахайся ты хоть со всем миром, мне плевать, пока это не касается Цзян Мэйшэна! — рявкнул Цюй Чжи. — Хэ Цингуан, если ты хочешь и дальше работать в этой стране, даже не думай приближаться к нему. Понял?

Цюй Чжи понизил голос, и в его тоне прозвучала настолько холодная, неприкрытая угроза, что даже привыкший ко всему Хэ Цингуан невольно вздрогнул.

Но тут же разозлился и ледяным тоном процедил:

— Был бы ты его парнем, я бы и близко не подошел, даю слово. Но ты-то ему кто? С какой стати тебе решать, с кем ему развлекаться?

Эти слова без промаха ударили по самому больному месту. Цюй Чжи мгновенно побледнел.

Хэ Цингуан презрительно усмехнулся.

— Цюй Чжи, ты презираешь меня за беспорядочные связи, но я, по крайней мере, никогда не возвращаюсь к бывшим. А сам-то что творишь? Ты ведь сам бросил Цзян Мэйшэна, а теперь локти кусаешь? Скажи мне, хватит у тебя духу рассказать ему о том, что ты тогда натворил?

Цюй Чжи весь натянулся как струна. Он уставился на собеседника бешеным взглядом.

— Если хоть звук пикнешь при нем, мигом вылетишь обратно во Флоренцию. Я не шучу.

Какое-то время они молча сверлили друг друга яростными взглядами. Наконец Цюй Чжи резко развернулся и зашагал прочь.

Цзян Мэйшэн провожал его взглядом. Лицо Цюй Чжи было мрачнее тучи, в глазах застыла глухая злость. Не успел Мэйшэн опомниться, как тот уже подошел к машине, запрыгнул в салон и с грохотом захлопнул дверцу.

Мэйшэн прекрасно понимал, какой разговор его ждет, но у него уже был готов план защиты.

— Почему ты...

— Я виноват! — поспешно перебил его Цзян Мэйшэн самым искренним тоном. — Клянусь, я больше никогда не буду тусоваться с Хэ Цингуаном!

Хоть Цюй Чжи и обошелся с Хэ Цингуаном грубо, это наверняка было от избытка чувств. Даже если они поссорились и Хэ Цингуан пустился во все тяжкие, флиртуя направо и налево по барам, Цюй Чжи явно сходил с ума от ревности.

Мэйшэн мысленно пожурил себя. Действительно, держаться от Хэ Цингуана следовало подальше. В конце концов, резервного кандидата для облегчения симптомов его недуга можно подыскать и в другом месте, свет клином на этом парне не сошелся. К тому же сейчас он помогал Цюй Чжи — по его же просьбе разыгрывал спектакль, чтобы заставить Хэ Цингуана ревновать. Какого черта он сам повадился с ним развлекаться? Да и Хэ Цингуан оказался слишком тертым калачом и наглецом: Мэйшэн планировал лишь слегка попользоваться его обществом, а тот уже вознамерился затащить его в постель. Проведи он с ним еще немного времени, и пиши пропало.

Слишком опасно.

Поэтому он принес свои самые чистосердечные извинения.

Выражение лица Цюй Чжи стало странным.

Казалось, он собирался взорваться от гнева, но эти слова мгновенно сбили его спесь. На смену ярости пришло сложное, противоречивое чувство, сквозь которое робко проглядывала растерянная радость.

Его тон заметно смягчился:

— Обещаешь, что больше не будешь с ним встречаться?

Цзян Мэйшэн послушно кивнул.

— А если он позовет тебя на обед?

Мэйшэн на секунду заколебался, но все же твердо пообещал:

— Я откажусь.

Он преданно смотрел на Цюй Чжи своими ясными, чистыми глазами, в глубине которых отражался крошечный силуэт друга.

Точь-в-точь как в детстве. Тогда Цюй Чжи ужасно приревновал Мэйшэна к какому-то другу и наотрез отказался с ним разговаривать. После уроков они шли домой порознь, по разным сторонам улицы, упорно храня молчание.

У самого дома, остановившись в тесном и темном подъезде, Мэйшэн осторожно потянул Цюй Чжи за рукав и тихо прошептал:

— А-Чжи, ну не злись на меня, пожалуйста...

Цюй Чжи тогда лишь насупился:

— Ты обещал играть только со мной. Ты нарушил слово.

Маленький Мэйшэн виновато опустил голову и заговорил тонким, робким голоском:

— Я... я больше так не буду. Пожалуйста, прости меня, ладно?

— Честно? Не обманешь?

— Честно-пречестно! — Мэйшэн вскинул голову. В его огромных черных глазах светилась абсолютная искренность, а маленькие алые губы приоткрылись, произнося нерушимую клятву: — Если я обману тебя, пусть мне в наказание больше никогда не разрешат быть твоим другом.

Тогда Цюй Чжи был слишком мал, чтобы осознать всю тяжесть этих слов.

Лишь спустя годы, когда Цзян Мэйшэн женился, в одну из бесконечных одиноких ночей Цюй Чжи в ужасе проснулся от кошмара.

«Если я обману тебя, пусть мне в наказание больше никогда не разрешат быть твоим другом».

Мэйшэн всегда дорожил им, поэтому раз за разом шел на уступки.

Сам же Цюй Чжи лишь упивался легкими победами, которые приносили ему детские капризы. Вынуждая Мэйшэна отступать снова и снова, он взрастил в себе слепую, абсолютную уверенность.

Он был убежден, что бы он ни совершил, Цзян Мэйшэн никогда его не оставит.

Он верил, что безраздельно владеет этим человеком.

Даже когда Мэйшэн собрал вещи и вернулся на родину, Цюй Чжи не придавал этому значения. Ведь это он, великий и желанный, первым оттолкнул Мэйшэна.

Былая привязанность и любовь к другу детства давно казались ему исчерпанными, поэтому он уходил без тени сожаления или чувства вины.

Но стоило ему застучать Хэ Цингуана в постели с другим, как его захлестнула бешеная ярость от предательства. Мир словно рухнул, оставив лишь горькую обиду на то, что он отдал сердце не тому человеку.

И тогда в его мыслях впервые вспыхнула догадка: а не то же самое ли чувствовал Цзян Мэйшэн, когда однажды вернулся в их опустевшую квартиру?

Один образ Хэ Цингуана теперь вызывал у него тошноту. Цюй Чжи было тошно от одной мысли о том, как он унижался и заискивал перед этим мерзавцем.

Красивых, податливых юношей вокруг него всегда крутилось в избытке. Но сколько бы мнимых друзей ни вилось рядом, сколько бы ярких лиц ни улыбалось ему в попытках услужить, ледяная пустота в его груди ни на йоту не становилась меньше.

А потом до него долетела весть о скорой свадьбе Цзян Мэйшэна.

Человек, который клялся никогда не сближаться с другими, собирался связать свою жизнь с кем-то чужим.

Он нарушил обещание, потому что Цюй Чжи перестал для него хоть что-то значить.

Именно тогда до Цюй Чжи наконец дошло: бросив когда-то Цзян Мэйшэна, он сам оказался выброшен из его жизни.

Цюй Чжи думал, что больше никогда в жизни не дождется от Мэйшэна ни единого обещания.

И вот теперь этот человек снова смотрел на него тем самым преданным взглядом и твердо обещал держаться подальше от такого ничтожества, как Хэ Цингуан.

«Значит, я все еще дорог ему? Я по-прежнему важен?»

От этой мысли сердце Цюй Чжи затопила безумная, пьянящая радость.

Он изо всех сил постарался сдержать торжествующую улыбку и, напустив на себя строгий вид, недовольно проворчал:

— И давно вы спелись за моей спиной? А я ни сном ни духом.

Цзян Мэйшэн виновато прикусил губу и отвел взгляд на залитую неоном улицу за стеклом.

— Хэ Цингуан просил тебе не говорить... А ты сам как здесь оказался?

— Пришел домой, а тебя нет, — буркнул Цюй Чжи, кривя губы. — Звонил тебе, писал — тишина. Потом один знакомый обмолвился, что этот подонок в последнее время так и крутится вокруг тебя. Я узнал, что сегодня он собирался в этот клуб, ну и приехал.

Цзян Мэйшэн заглянул в телефон — экран действительно пестрел от пропущенных вызовов и сообщений. Слава богу, обошлось без скрытых GPS-трекеров. И все же от мысли, что за ним так пристально следят, сделалось как-то не по себе.

— Поехали домой.

Вернувшись, Мэйшэн наспех принял душ и завалился в постель. На телефон тут же пришло уведомление в Диньдоне от Хэ Цингуана.

«Ты как? Цюй Чжи тебя не обидел?»

Только Мэйшэн собрался напечатать ответ, как в дверь его спальни настойчиво постучали. Пришлось отложить гаджет и пойти открывать.

— Время видели? Что случилось? — Мэйшэн загородил собой проем. Квартира принадлежала Цюй Чжи, но пускать его на свою временную территорию Мэйшэну очень не хотелось.

Цюй Чжи цепким взглядом уловил зажатый в его руке телефон и властно протянул ладонь:

— Дай сюда. Тебе ведь только что написал Хэ Цингуан, верно?

Цзян Мэйшэн мысленно покачал головой: поразительно, насколько хорошо Цюй Чжи знал повадки своего суженого. Просто ясновидение какое-то.

— Быстро удали его из контактов! — потребовал Цюй Чжи. — Ты обещал, что больше не будешь с ним общаться.

Мэйшэн вздохнул, разблокировал экран и на глазах у ревнивца стер Хэ Цингуана из Диньдона.

— Все, удалил. Теперь твоя душенька довольна?

Лицо Цюй Чжи наконец расслабилось.

Цзян Мэйшэн лишь мысленно хмыкнул. Неужели Цюй Чжи так сильно боится их сближения? Кем он его вообще считает — коварным соблазнителем, готовым увести чужого возлюбленного при первой же возможности?

Утром инцидент казался исчерпанным. За завтраком Цюй Чжи невзначай бросил:

— Сегодня вечером состоится благотворительный прием. Пойдешь со мной.

Мэйшэну совершенно не улыбалось тратить время на светскую суету, поэтому он отрезал:

— Нет уж, мне нужно работать над новой главой.

— На этом вечере все должны быть с парами.

— Возьми своего ассистента Вэня, — предложил Цзян Мэйшэн, невозмутимо отправляя в рот ложечку нежного яйца-пашот.

Цюй Чжи недовольно нахмурился:

— С какой стати мне брать его? К тому же из-за приготовлений к приему я не смогу поужинать с тобой дома. Потрать на меня всего один час, ладно? Тебе сложно, что ли?

Мэйшэн прикинул в уме и решил уступить. Ладно, час так час.

Услышав согласие, Цюй Чжи просиял и тут же набрал Вэнь Жо, велел подготовить парадный костюм для Мэйшэна.

Сразу после завтрака Мэйшэна потащили в мастерскую. Там их уже дожидался ассистент, выкативший целую стойку с роскошными нарядами. И все они, как на подбор, были строго его размера.

Цюй Чжи лично занялся подбором гардероба. Он прикладывал к его груди один пиджак за другим, заставляя примерять вещь за вещью. Мэйшэн лениво подчинялся, позволяя вертеть собой как угодно.

Поправляя воротник на очередной сорочке, Цюй Чжи удивленно заметил:

— Надо же, за три года ты ни капли не поправился. Тебя там в семье Фу голодом морили?

— У меня просто хороший метаболизм, — Мэйшэн послушно поднял руки, пока Цюй Чжи застегивал ему запонки на манжетах. Руки у Мэйшэна были длиннее, чем у большинства мужчин его роста, однако рукава сидели безупречно — ни убавить, ни прибавить.

Но Мэйшэн точно помнил, что никогда не заказывал у него пошив одежды.

— Странно, они все сидят как влитые.

Вэнь Жо с улыбкой вставил:

— Так они и шились специально для вас, господин Цзян.

Мэйшэн озадаченно моргнул:

— Специально для меня? Зачем? Такую одежду за пару дней не сошьешь. К чему эти хлопоты?

Если бы он отказался идти на прием, все эти труды пропали бы даром.

Цюй Чжи выразительно посмотрел на ассистента. Вэнь Жо понимающе прикусил язык, забрал несколько выбранных комплектов и ушел вглубь мастерской отпаривать ткань.

Еще когда он только устраивался сюда на работу, то сразу понял: одна из гардеробных комнат в этой студии строго табуирована для посторонних. Лишь спустя год безупречной службы ему позволили войти туда. Комната была забита потрясающими мужскими костюмами, но, сопоставив их крой с мерками самого модельера, Вэнь Жо сразу понял: шили их не на Цюй Чжи.

Все это время вещи просто висели мертвым грузом, а коллекция из года в год лишь пополнялась новыми эксклюзивными экспонатами.

И только познакомившись с Цзян Мэйшэном и узнав его параметры, Вэнь Жо сопоставил факты: каждый стежок в тайной комнате предназначался именно для этого человека.

Тем временем Мэйшэн вышел из примерочной в роскошной шелковой блузе со стильным жабо. Недовольно потеревбив рюши на шее и заметив, как у Цюй Чжи загорелись глаза, он не выдержал:

— Да тебе просто нравится наряжать меня как куклу. Давай я подарю тебе пупса, будешь развлекаться?

Цюй Чжи шутливо закатил глаза:

— Стал бы я ради кого-то так стараться! Ты второй после Медвежонка Мэймэй, удостоенный такой чести.

Медвежонок Мэймэй был персонажем детской сказки, которую когда-то давно Мэйшэну рассказывала мама. В пятилетнем возрасте Мэйшэн нарисовал по ней забавный комикс и показал лучшему другу. Маленький Цюй Чжи тогда загорелся идеей нарисовать для мишки целую кучу модных нарядов, восторженно заявляя: «Мой Мэймэй будет носить только самую красивую одежду!»

Пожалуй, именно в тот момент в нем и проснулся талант кутюрье.

Когда наряд наконец был утвержден, Мэйшэн облегченно выдохнул. Быстро перекусив с Цюй Чжи в мастерской, он поспешил ретироваться домой.

Около пяти вечера Цюй Чжи набрал его номер и велел собираться — он уже ехал за ним. Вэнь Жо вел представительский седан, на котором они и прибыли к роскошному зданию, где проходил благотворительный вечер.

Едва они переступили порог, как Цюй Чжи принялся водить Мэйшэна по залу, представляя его

разным влиятельным гостям. Мэйшэн ловил на себе заинтригованные взгляды. К тому же он то и дело замечал гостей, пришедших в одиночку — никакого обязательного дресс-кода для пар на приеме не было. Тут-то до Мэйшэна и дошел истинный замысел друга.

Все это представление разыгрывалось исключительно ради того, чтобы уязвить Хэ Цингуана.

Осознав свою миссию, Мэйшэн почувствовал прилив профессионального азарта и заулыбался еще приветливее, чтобы подыграть товарищу на все сто.

Изрядно подкрепившись у фуршетного стола, он оставил Цюй Чжи беседовать со знакомыми и отправился бродить по залу. Вскоре к нему подошел молодой человек в элегантном сером костюме.

— Какая приятная встреча!

Мэйшэн сразу узнал его — это был Шэн Цзэси. Они мельком виделись на первом показе Цюй Чжи после его триумфального возвращения.

— Надо же, так вы, оказывается, близкий друг господина Цюя? — с улыбкой поинтересовался Шэн Цзэси.

Наверняка тот вспомнил, как на показе увлеченно нашептывал Мэйшэну пикантные слухи об отношениях загадочной «Принцессы Цзян» и знаменитого дизайнера, и теперь явно чувствовал себя крайне неловко.

Мэйшэн тоже смутился, но попытался сгладить углы:

— Ну, мы действительно очень долго не виделись. Он ведь жил за границей, сами понимаете.

Неловкость быстро улетучилась, и они переместились в тихий уголок сада за высокими декоративными кустами. Свет из огромных окон банкетного зала мягко ложился на зелень. Шэн Цзэси не удержался и снова начал шепотом делиться с Мэйшэном самыми свежими сплетнями о гостях вечера.

Прямо над ними, на балконе второго этажа, остановились поговорить несколько мужчин. Мэйшэн и его собеседник оказались в идеальной слепой зоне: сверху их было совершенно не разглядеть, зато каждое слово долетало вниз без малейших искажений.

Мэйшэн вовсе не горел желанием подслушивать чужие секреты, но обнаруживать себя сейчас было бы еще глупее — со стороны это выглядело бы так, будто они специально затаились в кустах. Пришлось стоять смирно.

— Слушай, а этот господин Цзян, с которым ты пришел... Он ведь зять семьи Фу? — раздался незнакомый голос.

Мэйшэн не узнал говорившего. После свадьбы с Фу Янем его личные данные тщательно оберегались от прессы, так что широкая публика понятия не имела, кто делит постель с наследником корпорации. Однако торжество было масштабным, и этот человек, скорее всего, присутствовал среди приглашенных.

— Это в прошлом. Они давно в разводе, — донесся сверху ровный голос Цюй Чжи.

— Да ладно? Когда успели? Надо же, как тихо все обставили...

— То-то я смотрю, вокруг Фу Яня в последнее время вьется какой-то парень по имени Се Юй. Теперь понятно.

— Кстати, а где наш дорогой Хэ Цингуан? Мне казалось, вы с ним не разлей вода. Он ведь даже приходил поддержать тебя на открытие студии.

В ответ Цюй Чжи лишь сухо хмыкнул.

Они поговорили еще о каких-то пустяках, после чего один из собеседников распрощался и ушел обратно в зал.

Оставшийся, судя по тону, был давним приятелем дизайнера. Он добродушно поинтересовался:

— А-Чжи, ты на этот раз насовсем вернулся или так, погостить?

— Время покажет. Мои основные связи и бизнес по-прежнему за рубежом. Если решу здесь все свои дела, года через два-три уеду обратно во Флоренцию.

— И что за важное дело держит тебя здесь?

Цюй Чжи лишь загадочно усмехнулся в ответ, промолчав.

Но собеседник, видимо, все понял без слов:

— Ну конечно, судя по твоей довольной mine, тут замешаны дела сердечные.

Тогда Цюй Чжи негромко произнес красивую фразу на певучем итальянском, в которой сквозила глубокая, искренняя нежность.

Смысл ее был прост:

«Два человека, связанные судьбой, могут плутать сколько угодно, но в конце пути все равно окажутся вместе».

<http://bllate.org/book/19840/2001162>